Дети Сети

Автор:
Серж Брусов

Дети Сети

Серж Брусов

Дети Сети – это репортаж из жизни современных тинейджеров, так называемого поколения Z. Загадочная смерть, анонимные чаты в дебрях даркнета и вчерашние дети, живущие онлайн и мечтающие о светлом будущем. Кто они, сегодняшние тинейджеры? Те, чьи детство и юность пришлись на расцвет Instagram, Facebook и Twitter. Те, для кого онлайн порой намного важнее реальной жизни. Те, кто стал первым поколением, воспитанным Интернетом.

Серж Брусов

Дети Сети

© Брусов С., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пара уточнений и дисклеймер

Эта книга была написана в 2017 году как некий духовный наследник повести о субкультурных нулевых «Верни мне мой 2007-й». Проще говоря: о том же самом десять лет спустя. На момент создания всё описанное в книге было самой что ни

на есть актуальной действительностью. Сейчас – и это еще одно свойство современности – время ускорилось, и тренды сменяют друг друга со скоростью постов в ленте социальной сети. Следовательно, то, что было актуально еще пару-тройку лет назад, теперь воспринимается как ретро. Что ж, тем интереснее на излете «десятых» оглянуться назад и на первой волне только-только зарождающейся ностальгии вспомнить, как оно было. Не говоря уже о том, что какие-то тенденции не только не ушли, а развиваются по сей день.

Чуть не забыл. На всякий случай.

Это художественное произведение, действие которого происходит в параллельной вселенной, никак не связанной с нашей с вами действительностью.

Любые совпадения – случайны.

Все, что написано в этой повести, не следует воспринимать как правду.

Ну вы же понимаете, да?

Предисловие

Хорошо. Теперь, когда сделаны все необходимые оговорки по поводу достоверности описанных событий, можно переходить непосредственно к рассказу о том, как все было на самом деле. Начну издалека.

Я был, кажется, классе в восьмом или девятом, когда впервые посмотрел довольно-таки средненький, но чем-то очень меня зацепивший фильм «Васаби», снятый по сценарию и под продюсерством небезызвестного Люка Бессона. Там среди прочих мне запомнился момент, когда молодая японская подопечная пожилого французского полицейского говорит о том, что она и вся ее компания – обычные современные подростки. Меня такое определение несколько озадачило, учитывая, что девушке по сюжету вот-вот должно было исполниться двадцать лет. Мне самому на тот момент было четырнадцать, и тогда я думал,

что подростки – это, ну, максимум до шестнадцати. Позже, на первом-втором курсах университета, то есть лет до девятнадцати, я понял, что ошибался, поскольку все еще замечал в себе отголоски тинейджерского мышления. Сейчас, вдоволь наобщавшись с главными героями данного повествования, я совершенно уверен: фраза двадцатилетней японки из «Васаби» теперь в полной мере применима к российской молодежной тусовке второй половины десятых. Ребятам, о которых здесь пойдет речь, еще нет двадцати, в данный момент им по семнадцать-восемнадцать лет, и все они – обычные современные подростки. Да, раньше мне (да и не только мне, наверное) казалось, что из этого возрастного периода вырастаешь после шестнадцати, но, как известно, времена имеют свойство меняться, а средняя продолжительность жизни на планете – расти. Ведь когда-то и такое, что в 45 можно считаться глубоким стариком.

К слову о «меняющихся временах». Как-то раз, лет так десять тому назад, я купил в «Зиг-Заге» (культовой когда-то рок-галерее, располагавшейся на Арбатской, затем на Китай-городе, позже на Киевской и еще где-то) белую футболку, мерч, одной группы, которая мне нравилась тогда. Родители, будучи, по обыкновению большинства родителей, весьма поверхностно осведомленными об андеграундной музыкальной сцене, спросили «кто это?», глядя на солистку, изображенную спереди. Я назвал ни о чем не сказавшее им имя и включил пару песен. Мама с папой уважительно молча прослушали записи и пару раз кивнули, ничего не сказав. Десятилетие спустя, приехав к ним с регулярным визитом на выходные, я так же уважительно, как и родители годами ранее, прослушал с ними участников популярного телевизионного шоу. Я сидел боком к экрану и практически не поворачивал головы, читая книгу на телефоне. Каково же было мое удивление, когда мама окликнула меня, сказав:

– Смотри, это Нуки из «Слота», которая у тебя на футболке была.

Подняв глаза, я действительно увидел ту самую солистку, имя которой тогда было не известно никому, кроме узкого круга фанатов. Десять лет спустя она участвовала в раскрученном вокальном проекте и пела в прайм-тайм на первом канале. Расценивать это можно по-разному: и как успех Нуки как творческой единицы, и как попытку телепродюсеров расширить аудиторию, и как банальную жажду наживы со стороны менеджеров группы, и много чего еще вроде опопсения андеграундной сцены. Сказать однозначно, хорошо это или плохо, мне было затруднительно, но что становилось понятно бесповоротно и окончательно, так это то, что времена, чего там ни говори, действительно изменились.

Субкультуры ушли в прошлое, центениалы (представители Поколения Z или Поколения Google, как все чаще их называют) в этом вопросе мыслят иначе, чем мы, миллениалы, десять-пятнадцать лет назад. Собственно, ради этого и затевался весь этот репортаж – исследовать природу молодежного общения во второй половине десятых и понять, действительно ли современные подростки так уникальны, как рисуют их СМИ. По стечению обстоятельств мне представился случай оказаться в тинейджерской среде и на протяжении чуть более месяца наблюдать за компанией двоюродной сестры, переживая вместе с ними их обычные будни и периодически узнавая мнения ребят по поводу тех или иных вопросов.

Несколько слов относительно структуры этой книги. Между главами основной линии расположены секции «Комментариев», которые содержат прямую речь (в подзаголовке указано, чью именно): ответы и рассуждения героев повествования на различные темы. Эти вставки, как мне кажется, помогают лучше понять поступки и гораздо глубже раскрывают менталитет представителей Поколения Google, чем просто пересказ событий, которым мне довелось стать свидетелем. Хочу сразу предупредить, что данная повесть – это именно повесть-репортаж, то есть своего рода освещение некоего действа так, как его видел я. Без додуманных деталей, сюжетных линий, завязок-развязок-кульминаций и прочих атрибутов классических художественных произведений. Художественным здесь стал только сам стиль повествования, так как чистая публицистика, как по мне, «суховата» и «официозна», хотя изначально этот материал писался именно в такой манере с целью публикации в интернет-сми. Однако главный редактор оного, ознакомившись с текстом, предложил сделать из него отдельную книгу, сославшись на то, что размещение репортажа в их издании по ряду причин невозможно.

* * *

И еще одно. О том, для кого эта книга. Читателям-центениалам она, скорее всего, не откроет ничего нового, поскольку они в этом живут и, соответственно, давно и хорошо все это знают. Для их родителей, напротив, написанное может показаться чересчур неожиданным и трудным для понимания (всегда хочется думать, что о своих детях ты знаешь все, ан нет…). У тех, кто «посередине», то есть моих сверстников – миллениалов, повествование, с одной стороны, вероятно, не вызовет чрезмерного удивления, с другой – все-таки просветит в некоторых моментах. Словом, эта книга – не для кого-то конкретно. И для всех сразу. Одним – взглянуть на себя со стороны, другим – лучше узнать тех, кто

пришел им на смену.

«The times, they are a-changing…», как пел один известный нобелевский лауреат.

По дороге

– Я не хочу говорить об этом… – Вэл резко прервал завязавшуюся было беседу, как только речь зашла о самоубийстве Киры. Он убрал за ухо упавшую на лоб прядь светлых волос, в очередной раз вызвав у меня ассоциации с Куртом Кобейном, и отвернулся к окну, ловя взглядом проносившиеся мимо столбы электросети и на автомате вращая в левой руке ярко-зеленый спиннер. Мы уже полтора часа ехали на скоростном поезде из Москвы в Петербург, а погода, несмотря на заявления синоптиков, лишь ухудшалась. По стеклу скользили удлиняющиеся водяные струйки, небо кучковалось тяжелой мокрой ватой, а деревья сильно раскачивались под шквальным ветром.

– Да, этот вопрос ща явно не в тему, – вполголоса произнесла сидевшая слева от Вэла Саша, скрестив руки на груди и выразительно с упреком посмотрев на меня.

Саша – моя двоюродная сестра. Вэл – ее парень. Его настоящее имя – Валентин, но я ни разу не слышал, чтобы Саша когда-нибудь его так называла. Подростки… В этом возрасте хочется казаться крутым, проявляя свою крутость множеством всевозможных способов, и имя, произносимое на западный манер, конечно, один из них. Удивительно, что сама Саша еще не просила называть ее Алекс или как-нибудь в этом духе. Ей семнадцать, полтора месяца назад она окончила школу, пару недель как поступила в университет, а сейчас, в середине августа, собиралась наконец отдохнуть от суеты, вызванной сменой академических этапов.

Про Вэла я не могу сказать почти ничего. Со слов сестры мне известно, что ему восемнадцать, школу он окончил год назад, но в настоящее время нигде не учился и не работал. Деньги, однако, у парня явно имелись – билет на поезд для себя и Саши он купил сам, отказавшись от моих услуг. Мы впервые встретились с ним два часа назад на вокзале и с тех пор перебросились лишь парой реплик. Недавно у нас вроде бы завязался короткий диалог, очень быстро прервавшийся

после моего вопроса о Кире – девушке из их компании, в конце весны найденной около собственного подъезда со следами падения с большой высоты.

– Тут есть Wi-Fi? – спросила Саша, достав из рюкзака планшет и быстро тыкая пальцами в экран. Ни я, ни Вэл не поняли, к кому именно был обращен вопрос девушки, поэтому сначала мы молча переглянулись несколько раз, а затем одновременно заговорили:

– Да вроде долж…

– Нет, наверн…

Одна из тех неловких ситуаций, которые происходят, когда оба собеседника сначала перебивают друг друга, а затем также синхронно уступают слово.

– Должен быть, – сказал Вэл после небольшой паузы, уставившись в экран своего телефона.

– Мы не в бизнес-классе, – ответил я. – Там точно есть, здесь – не знаю.

Немного обо мне. Совсем немного, потому что моя фигура в этой истории не играет почти никакой роли. По-хорошему, и рассказана-то она должна быть от третьего лица, об одном из героев, без всякого участия в ней самого рассказчика. В некоторых моментах, однако, мое присутствие проявлялось несколько активнее, чем просто стороннее наблюдение, поэтому я и решил оставить «себя» в повествовании. Итак, я на десяток лет старше своей двоюродной сестры, я женат, кое-где работаю и даже где-то живу. Пожалуй, для начала этих сведений обо мне вполне достаточно, ибо в целом моя роль здесь – это глаза и уши. Органы чувств, через которые вы имеете возможность наблюдать за тем, что видел и слышал я.

В данный момент мы – я, Саша и Вэл – занимали три места вокруг стола в вагоне «Сапсана», мчавшемся на северо-запад со скоростью 250 километров в час. Саша и Вэл сидели напротив меня, а место рядом со мной было занято пожилым мужчиной, следовавшим в составе испаноговорящей туристической группы. Он молча смотрел в окно и никак не реагировал на наши реплики, давая повод

думать, что совсем нас не понимает.

Моя сестра и ее парень казались мне очень похожими друг на друга внешне. Дело было в прическах: Вэл, как я уже упомянул, носил длинные светлые волосы в стиле Курта Кобейна, а Саша – темное каре почти такой же длины. Сейчас, одинаково «залипнув» в гаджетах, ребята напоминали мне фотоснимок и его негатив, расположенные рядом друг с другом. У Саши был пирсинг в правой ноздре, татуировка в виде альбатроса на внутренней стороне левого предплечья (почти у запястья) и футболка с изображением какой-то модной группы. Несмотря на все эти элементы, в прошлом десятилетии вполне себе считавшиеся атрибутами определенных молодежных субкультур, моя двоюродная сестра не относила себя к каким-либо течениям, движениям, категориям, неизменно отвечая, что «так давно уже никто не рассуждает», да и вообще, мол, «сейчас все смешалось в кучу». Вэл, внешне напоминавший одновременно и типичного адепта гранжа из девяностых, в клетчатой рубашке поверх футболки с каким-то психоделическим принтом, и какого-то современного модника в узких подвернутых штанах, а слушающий при этом, по словам Саши, предпочтительно трэп, клауд рэп и прочие трендовые ответвления хип-хопа, только подтверждал ее слова.

Наверное, стоит несколько вернуться назад во времени, чтобы объяснить, как так получилось, что мы втроем поехали в Питер, зачем именно мы направлялись в славный город на Неве, да и вообще рассказать, с чего все это началось, и расставить все точки над «е».

Точки над «е» и вечное повторение

Недели, кажется, за три до этой поездки со мной связалась тетя – мама Саши. Просила приехать для очень важного разговора. Мне всегда интересно, когда люди говорят о чем-то таком, очень важном, и поэтому уже через пару часов я подходил к их панельному дому в спальном районе на юге Москвы. Дело было в субботу в самой середине лета, подземка дышала относительно свободно, минимум людских масс, и вся дорога пролетела незаметно под привычное погружение в воды Wi-Fi, с недавних пор затопившего все тоннели столичного метро.

Моей тете чуть за сорок, и она архитектор. Работает вместе с мужем в какой-то строительной компании. Это все, что я могу в двух словах сказать о ней. Да и эта информация, честно говоря, особой ценности не представляет, но раз уж так повелось, что, вводя какой-либо новый персонаж в рассказ, нужно обязательно что-нибудь о нем сообщить, то, пожалуй, этого будет достаточно. Ну, еще, может быть, то, что они с мужем проводят очень много времени на работе, нередко посвящая ей и выходные. Дочь в это самое время, надо полагать, посвящена сама себе. Не знаю, хорошо это или плохо – не мне судить.

Мы с двоюродной сестрой отлично ладили, когда она была совсем маленькой, еще до ее учебы в школе и до моей в институте. Я развлекал ее играми, беготней, прятками и всей это милой детской ерундой. Потом я поступил в университет, видеться мы стали реже, но по-прежнему оставались на связи – время от времени пересекались на больших семейных мероприятиях. Надо сказать, что в этот период я крайне мало интересовался жизнью Саши – был слишком увлечен бурной рекой событий собственного студенчества. Да и у нее, насколько я понимал из ее редких рассказов, тогда происходило не очень-то много интересного. Все изменилось пару лет назад – у Саши появилась постоянная компания друзей-тинейджеров, с которыми девушка проводила практически все свободное время. Теперь уже она была не слишком заинтересована в семейных сборищах и крайне неохотно делилась какими-либо подробностями о своей компании, если я ее об этом спрашивал. Я же окончил институт, устроился на работу, социальная активность заметно снизилась, и теперь мне действительно было искренне любопытно, чем живет двоюродная сестра. К сожалению, фазы нашего взаимного интереса друг к другу снова не совпали. Последний раз мы виделись как раз года два назад на юбилее дедушки – перекинулись всего парой слов.

Тетя приветливо встретила меня на лестничной площадке сразу за открывшимися дверями лифта и проводила в квартиру, пригласив на кухню. Кроме нее, дома никого не оказалось. На газовой плите закипал чайник – обычный, металлический. Тетя говорила, что терпеть не может кипяток из электрочайника. Якобы у него был совсем другой вкус. Я существенного различия не замечал, но допускал, что это вполне может быть правдой, неподвластной моим языковым рецепторам.

– Пакетированный будешь? – извиняясь, спросила она. – Чай забыла купить…

Я ответил, что без проблем попью «пакетированный», в который раз обратив внимание на то, что тетя даже чаем-то этот напиток не считала, называя так только хороший развесной продукт, непременно китайский. Она бросила в кружки по пакетику с желтой биркой и залила интенсивно испаряющейся водой. Мы сделали по паре глотков, молча смотря в окно. Вид открывался на футбольную «коробку», где гоняли мяч десятка полтора взрослых мужиков. Несколько мальчишек лет десяти смотрели за игрой из-за железной сетки-ограждения, еще кто-то играл неподалеку.

– Одни старики играют, – сказала тетя, кивнув в направлении улицы. – Молодые все за компьютерами.

– Да не сказал бы, – ответил я, – время компьютеров тоже уходит. Ну, настольных, в смысле. За ними уже почти не сидят.

– Да ну?

– Ага… А по Сашке не видно, что ли? Она ж, наверное, в планшете или в телефоне все время, какой там десктоп…

– Десктоп?

– Ну, настольный комп.

– А-а-а… Да, насчет Сашки. Разговор, в общем-то, о ней как раз. Не нравится мне что-то ее компания… Вэл этот странный какой-то…

– Парень ее?

– Вроде того, – практически прошептала тетя, неотрывно наблюдая за перемещениями мяча по площадке. Несколько секунд спустя она повернулась ко мне. – Слушай, попросить хотела. Можешь с ними в Питер съездить? Буквально на день…

– Ну, в принципе, конечно, могу, – начал я, – только…

– Я бы сама съездила, но дел – невпроворот. Да и Сашка ни за что не согласится…

– А на меня согласится? Мы тоже не так чтобы близки были в последнее время…

– Да, мы с ней говорили уже об этом. Сначала протестовала, но как только я сказала, что иначе вообще никуда не поедет, после долгого раздумья согласилась на твое присутствие. Все-таки к тебе у нее побольше доверия. Ну, ты понимаешь, ситуация похожая, как тогда было…

– Угу, – хмыкнул я, поняв, о чем говорит тетя. Надо же, и вправду все повторяется…

Я отпил еще чая и посмотрел на панельный дом, расположенный прямо за спортивной площадкой. Мой взгляд привлекли темно-серые «швы» между уже порядком потерявшими первоначальную белизну панелями. В таком виде стены дома напоминали мне ванную, в которой давно не делали ремонта, с почерневшими линиями между когда-то белоснежными прямоугольниками плитки.

– А зачем вообще кому-то их сопровождать? – спросил я, придя в себя. – Чего опасаешься? И куда они едут на один день?

– Ой, этого точно не знаю, какой-то там вечер у них, типа концерта что-то, для интернета снимать будут. А сопровождать… – Тетя замолчала в некоторой нерешительности, но потом продолжила: – На всякий случай. Тут просто недавно девочку из их компании – Киру – нашли около собственного дома. Самоубийство вроде как…

Я окончательно отвернулся от окна. Такого точно не ожидал услышать. Тема подростковых суицидов, конечно, всегда на слуху, но в моем окружении никогда подобного не происходило, несмотря на то что в студенчестве я попал в субкультуру, где было очень модно об этом говорить.

– Ну вот, – резюмировала тетя. – Просто понаблюдать за ними надо. Эти дети – они ж такие… никогда не поймешь, что у них на уме…

Я допил чай и еще раз подтвердил свое согласие.

Десять лет назад тетя время от времени помогала мне деньгами, когда сумма, выдаваемая ежемесячно родителями, подходила к концу. Тогда я учился на первых курсах университета и жил в студенческой общаге. Собственно, тетя была единственной моей родственницей в Москве на тот период. Позже переехали и родители, и бабушка с дедушкой. Такой уж это город – натуральная людская воронка.

Мы встречались в «Макдоналдсе» на Пушкинской площади. Я частенько ошивался рядом в компании сверстников – парней и девчонок с косыми челками, значками на одежде и проколотыми в разных местах лицами. Обычно тетя ждала меня за столом-стойкой, прилегающим к окну, выходящему прямо на площадь. На подносе перед ней стояла пара бумажных стаканов с кофе и два вишневых пирожка, из которых всякий раз при первом укусе через край выползала обжигающая начинка («Макдоналдс» до сих пор не решил эту проблему). Иногда тетя спрашивала о наших тусовках, я рассказывал, но далеко не все. Почему-то с ней было намного легче делиться подробностями своей жизни, чем с родителями. Возможно, причиной тому была в два раза меньшая разница в возрасте – у нас с тетей она составляла 13 лет, а может, и то, что в свои восемнадцать она так же без устали отрывалась в компаниях любителей модных музыкальных направлений. Насколько я помню из ее рассказов, в то время, в середине девяностых, тетя тусила с панками, металлистами и просто фанатами так называемого русского рока у стены Цоя на Арбате (еще до того как это стало выглядеть столь маргинально, как сейчас). Надо полагать, именно поэтому ей очень интересно, чем дышит молодежь десятилетие спустя. Не буду углубляться в подробности, но время было, конечно, насыщенное. Моих дневниковых записей за тот период даже хватило на небольшую книгу.

Как-то раз во время одной из таких наших встреч тетя сказала мне, что купила квартиру. Взяла ипотеку в долларах на пятнадцать лет. К слову, из того разговора я впервые узнал подробности того, что, вообще говоря, представляет собой ипотечный кредит, почему он берется на долгий срок и прочие не особо интересные детали. Я был студентом, и меня данная тема интересовала мало, но за тетю я порадовался – для нее это важно. Доллар тогда стоил около 25 рублей и продолжал падать, будущее выглядело безоблачно. А через какое-то время вдруг грянул кризис, санкции, эскалация международной напряженности, и, как следствие, валюта подорожала раза в три. Моей тете повезло – она расплачивалась за квартиру (ту самую, где мы встретились) с опережением

графика, и ее вышеописанные события практически не затронули.

Я легко и быстро согласился на тетину просьбу относительно Саши во многом из-за своих воспоминаний о событиях десятилетней давности. Тогда я был на сегодняшнем месте моей двоюродной сестры, а тетя – на месте меня теперешнего. Преемственность поколений? Вечное повторение? Колесо сансары? Не знаю, проявлением чего именно была нынешняя ситуация, но определенный символизм во всем этом я ощущал очень сильно. Мне было интересно и волнительно. Правда, мысль о самой возможности взятия валютной ипотеки, порожденная проводимыми все дальше параллелями, конечно, нагоняла тоску.

* * *

Из немногочисленных реплик, с трудом вытягиваемых мною из поглощенных интернетом ребят, мне все-таки удалось выяснить, на что же именно мы едем. Как оказалось, «ивентом» (в терминологии Вэла), на который мы все вместе направлялись в Петербург, оказался рэп-баттл, организованный довольно известным YouTube-каналом в одном из местных баров. Я как-то видел краем глаза пару выпусков этого шоу, не особо вдаваясь в подробности. Как объяснили мне Вэл и Саша, предстоящий баттл был очень-очень ожидаемым, и попасть на него, с их слов, было большим везением. То есть мне вроде как должно стать очень радостно по этому поводу.

Дождь за время в пути так ни разу и не прекратился полностью, то на время затихая до пары-тройки капель по окну в минуту, то снова усиливаясь до тяжелого ливня. Город встретил нас легкой моросью – казалось, дождь не идет, а висит в воздухе невидимой микроскопической паутиной. Выйдя с вокзала на площадь Восстания, мы преодолели коридор людей, встречающих гостей словосочетаниями в неопределенной форме. «Такси поехать» и «ехать такси недорого» доносилось отовсюду, не очень настойчиво, вполголоса, но непрерывно. Меня всегда забавляла сама формулировка фраз, используемых «бомбилами», и всякий раз проходя мимо них, мне не удавалось сдержать улыбку. Я спросил таксиста, одиноко стоящего чуть в стороне от основной массы, сколько будет стоить дорога до квартиры Пушкина на набережной реки Мойки – наш отель находился в двух шагах от последнего пристанища поэта.

– Триста, – как-то нехотя ответил тучный усатый мужик в кепке-фуражке и с руками в карманах кожаной куртки.

– Эй, ну ты чего, – Саша одернула меня за рукав. – Вэл уже вызывает, сейчас поедем.

Вэл сосредоточенно тыкал в экран телефона и осматривался по сторонам. Я и сам пользовался приложением для вызова такси, но сейчас как-то забыл об этом. Видимо, потому, что мы прибыли в другой город, а данный сервис в моем сознании был привязан исключительно к Москве.

– Здесь тоже работает? – поинтересовался я.

– Ага, – бодро ответил Вэл, – да везде уже работает, и не только в мегаполисах.

Машина забрала нас через несколько минут.

Мини-отель занимал третий и четвертый этажи старого пятиэтажного дома и на поверку – судя по планировке помещений – оказался несколькими бывшими коммуналками. В подъезде (парадной, прошу прощения) был замурован жестяным листом и грубо замазан бежевой краской большой камин, изящно украшенный лепниной и лет так сто пятьдесят назад, будучи эксплуатируемым по прямому назначению, наверняка вызывавший чувство уюта у заходящих с мороза людей. Наши «номера» (на самом деле это были маленькие – три на три – комнаты) располагались по соседству. У меня был одиночный, у Саши с Вэлом – твин, то есть с двумя отдельными кроватями.

Я не углублялся в детали их отношений и не давал никаких рекомендаций относительно того, какой тип размещения ребятам выбирать (платил за номер Вэл), тетя тоже ничего на этот счет не упоминала. Вообще, обратный поезд у нас запланирован на сегодняшнюю ночь – что-то около половины третьего, то есть теоретически можно было вообще ничего не снимать и провести время, бродя по городу. Но Саша сказала, что после раннего рейса точно захочет немного поспать, так что мы остановились на этом бюджетном варианте. Странное время отбытия было выбрано Вэлом – он аргументировал это тем, что не знает, когда закончится ивент, а после его окончания вроде как совсем неплохо прогуляться по ночному Питеру и уехать отсюда непременно до рассвета. Я не возражал ни против пожеланий двоюродной сестры, ни ее парня.

Заселившись, я предложил ребятам прогуляться – дождь уже практически прекратился, но те синхронно отказались – сетовали на усталость с дороги и желание отдохнуть перед насыщенным вечером. Я в одиночестве вышел на улицу и прошелся по гранитной набережной в сторону Невского проспекта. Вокруг бродили иностранные туристы, фотографирующиеся на фоне домов и сверяющиеся с картой; веселые русскоязычные компании, не особо заглядывающиеся по сторонам; влюбленные пары, мечтательно смотрящие друг другу в глаза, а также обычные жители Петербурга, спешащие по своим делам и воспринимающие город исключительно как декорацию повседневности.

Я зашел в маленькое кафе и занял столик у окна – в одиночестве я всегда выбираю именно такие места, чтобы наблюдать за происходящим на улице. Не хочется погружаться в дебри телефонного интернета, выпадая из окружающей действительности. Ведь так, пялясь в небольшой светящийся экран, ожидая заказа, очень легко забыть, где ты на самом деле находишься – в Москве, Питере, Нью-Йорке или Челябинске, так как всем, что тебя окружает в этот момент, станет содержимое Сети, географически ни к чему не привязанное и вообще висящее в какой-то неведомой пустоте. Ко мне подошла официантка – молодая девушка с синими волосами, на вид чуть старше моей двоюродной сестры, и, протянув меню, живо поинтересовалась, кивая на окно:

– Как там, очень холодно сегодня?

– Не очень-то… Ну, главное, дождь кончился. Вроде к вечеру ясно должно быть.

– Хорошо бы, а то у меня опять зонт ветром сломало.

Я заказал чашку кофе по-ирландски – самый подходящий напиток для прохладного пасмурного петербургского утра – и стал рассматривать прохожих сквозь оконное стекло.

Внезапно мне пришла мысль о том, что этот маленький, совсем незначительный на первый взгляд эпизод – диалог с официанткой о том, холодно ли на улице – может быть очень символичной картиной, ярким примером того, чем же все-таки отличается Петербург от Москвы. Конечно, дискутируя на эту тему, можно долго говорить и об архитектуре, и об истории, и о том, что, дескать, там – деньги, а здесь – культура, там – суета, а здесь – меланхолия, в одном городе вроде как осталось очень мало своего, самобытного, а в другом якобы явственно

ощущается непоколебимый временем неповторимый дух и всем таком прочем. Но если бы мне в тысячный раз задали этот вопрос и у меня была бы сверхъестественная способность показывать, подобно видеоролику, воспоминания из моей головы, я бы без лишних слов продемонстрировал именно этот эпизод. Именно так, не пересказывая его, а примеряя на интересующегося «слепок» своего сознания в тот момент, со всеми сопутствующими деталями – пасмурное утро, маленькое уютное кафе, короткий диалог. А уж какие там выводы можно из него сделать, пусть каждый решает сам.

Допив кофе, я расплатился, оставив сдачу на чаевые, еще немного прошелся по Невскому в сторону центра, а затем свернул и переулками добрался до отеля. Во время прогулки на меня почему-то резко накатило желание поспать – возможно, чудесный согревающий напиток подействовал как-то не так. Я вошел в номер, разделся, поставил будильник, отмерив на сон три часа, и упал на кровать, растворившись в путающихся мыслях.

Комментарии [Саша об ориентации в пространстве]

Спрашиваешь? Ну конечно, естественно, приложение для такси – это хорошо. Что в этом вообще может быть плохого? Вот прибыл ты, например, в город, как мы сейчас. Тебе не надо ничего никому объяснять: отметил точку на карте, нажал кнопку – и все! Дождался машины, приехал куда надо. А оплатил – картой прямо в программе, супер же?

Или, например, если на своей – всегда ведь есть навигатор в телефоне: продиктовал ему адрес – он построил маршрут. Тебе только по стрелочке двигаться остается. Как в игре. Ну там, GTA, помнишь?

А когда нет тачки, кстати, тоже не проблема – телефон подскажет, на какой автобус сесть и через сколько минут он придет. Можешь даже прямо на карте его отслеживать – красота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/brusov_serzh/deti-seti

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить